

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

7 НОЯБРЯ.

№ 45

1910 ГОДА.

С Л О В О

въ день Казанской Божіей Матери 22 октября ¹⁾.

Православное отечество наше издревле пользовалось особеннымъ покровительствомъ и милостію Заступницы рода христіанскаго Пресвятыя Богородицы.

Сколько священныхъ памятниковъ Богоматерняго заступленія и любви къ роду христіанскому сохраняется въ древнихъ городахъ Россіи! Сколько чудотворныхъ иконъ Ея прославляется во всѣхъ предѣлахъ необъятной страны Русской! Сколько храмовъ посвящено воспоминанію многообразныхъ явленій чудодѣйственной Ея помощи!

И нынѣшній день св. церковь наша воспоминаетъ одно изъ такихъ явленій благодатнаго заступничества Богоматери отъ постигшаго наше отечество величайшаго несчастія.

¹⁾ Произнесено въ Троицкой (что на Терновой полянѣ) церкви при Архіерейскомъ богослуженіи.

Было это почти триста лѣтъ тому назадъ. Страшное то было время: со смертію сына Іоанна Грознаго—царя Феодора Іоанновича на престолѣ Россійскомъ пресѣлся родъ царей, потомковъ св. Владимира. Поднялась страшная безурядица: города воевали другъ противъ друга, бояре спорили о престолѣ. На престолѣ царскомъ возсѣдали то бояринъ татарскаго рода Годуновъ, то лже-Димитрій самозванцы.

Наши сосѣди-недрузи воспользовались этимъ несчастіемъ Россіи. Область за областію отторгалась отъ Россіи на югъ и на сѣверѣ, Польша хотѣла намъ дать своего царя, Швеція своего. Поляки, вторгшись въ наше отечество, жгли города и села, грабили людей и оскверняли храмы Божіи; они уже овладѣли столицей Россіи—Москвой и привели отечество на край погибели и поруганія.

Уже въ московскихъ храмахъ возглашалось имя Владислава, уже полъ—Россіи было за нимъ. И въ это, какъ выражались наши предки, лихолѣтье Россіи нашлись среди русскаго народа люди, въ которыхъ русскій духъ не былъ подавленъ отечественными смутами и иноземными кознями. Патриархъ московскій Гермогенъ, архимандритъ Троицкой Сергіевой лавры Діонисій и инокъ Авраамій Палицынъ разослали по городамъ и селамъ свои грамоты, призывая вѣрныхъ сыновъ Россіи ополчиться на освобожденіе Москвы и на защиту православной вѣры.

Встрепенулись русскіе люди и стали составлять въ разныхъ городахъ ополченія для освобожденія Москвы и отечества отъ враговъ. „Станемъ за св. Русь, за домъ Пресвятыя Богородицы, за чудотворцевъ Алексія, Іону и Филиппа; продадимъ женъ и дѣтей, но освободимъ отечество“! воскликнулъ истинный сынъ отечества—Мининъ на берегахъ Волги.

И вотъ собралась рать, рать священная, подобной коей не было ни прежде, ни послѣ; но у сей рати не было ни

средствъ къ своему содержанію, ни самаго оружія; и, что всего важнѣе, не доставало единодушія въ войнахъ и вождяхъ, такъ что осада засѣвшихъ въ Кремль поляковъ была неудачна.

Тогда предки наши, движимые чувствомъ благочестія, наложили на себя трехдневный постъ и обратились съ молитвою къ Царицѣ Небесной предъ чудотворною Ея Казанскою Иконою. И усердная молитва нашихъ предковъ была услышана. Среди осажденной столицы, между врагами, въ тяжкомъ плѣну и еще тягчайшемъ недугѣ, томился одинъ праведный старецъ Арсеній, Архіепископъ Суздальскій. Среди полночной тишины, во время его молитвеннаго бдѣнія, вдругъ келія его наполнилась необыкновеннымъ свѣтомъ и святитель увидѣлъ предъ собою св. Сергія Радонежскаго. „Арсеній, сказалъ прендобный болящему: ваши и наши молитвы услышаны; предстательствомъ Богоматери судъ Божій объ отечествѣ предложенъ на милость; завтра Москва будетъ въ рукахъ осаждающихъ и Россія спасена“. Какъ бы въ подтвержденіе пророчества, болящій старецъ почувствовалъ возвращеніе здоровья и крѣпость силъ... Радостная вѣсть, переходя изъ устъ въ уста, проникла и за стѣны города къ православному воинству и воспламенила его мужествомъ. И 22 октября 1612 года русское ополченіе взяло Кремль изъ рукъ поляковъ, а вскорѣ и совсѣмъ очистило русскую землю отъ ихъ нашествія. Тогда въ землѣ русской снова водворился порядокъ, а на престолъ Россіи единодушно былъ избранъ юный Михайль Ѳедоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ благополучно царствующаго Дома.

Въ память столь чудеснаго спасенія нашего отечества предстательствомъ Богоматери и положено единодушно творить ежегодно торжественное воспоминаніе его въ 22 день октября, т. е. въ нынѣшній день.

Вотъ какъ важенъ этотъ день для отечества! Это день

освобожденія Россіи отъ рабства иноземнаго и крамоль внутреннихъ, день обновленія земли русской. Вотъ какое благоволеніе, какую милость получили наши предки представельствомъ Царицы Небесной!

За что же оказана такая милость Царицы Небесной предкамъ нашимъ, а вмѣстѣ и всему нашему отечеству?

За ихъ крѣпкую вѣру, усердную молитву и за чисто-сердечное покаяніе — сокрушеніе о всѣхъ своихъ грѣхахъ.

И, дѣйствительно, Матерь Божія, какъ чистѣйшая, любить только такихъ людей, которые блюдутъ чистоту вѣры и святость жизни, и на нихъ простираетъ свое благоволеніе. Не оставляетъ Она и людей, сокрушающихся о своихъ грѣхахъ, такъ какъ Она продолжаетъ дѣло Сына Своего, Спасителя Нашего, Который *„всѣмъ хочетъ спасти и въ разумъ истины прийти“*. Который пролилъ Свою пречистую Кровь и за самаго послѣдняго грѣшника. А какъ всякій покаившійся грѣшникъ есть уже приобрѣтеніе для царства Божія, царства Сына Матери Божіей, то для Нея является любимѣйшимъ дѣломъ, радостью сердца Ея, изводитъ людей изъ мрака грѣховнаго къ свѣту Христову.

И наши предки не были, конечно, свободны отъ грѣховъ, но они съ чувствомъ искренняго сокрушенія, съ покаяніемъ и смиренною молитвою повергались предъ Богомъ, предъ Пречистою Матерію и св. угодниками.

Поэтому, братіе, и намъ, чтобы сдѣлаться достойными милости Божіей и Его Пречистой Матери, необходимо не только въ дни бѣдствій, а какъ можно чаще приносить искреннее и нелицемѣрное покаяніе во грѣхахъ, которые собственно и есть причина всѣхъ нашихъ золъ на землѣ. А какихъ плодовъ не принесетъ истинное покаяніе? Оно и разбойника содѣлало наслѣдникомъ рая и хульника — первымъ Апостоломъ и блудницу ввело въ общеніе съ Ангелами. Сердечное сокрушеніе о грѣхахъ подвигнетъ на ходатайство

предъ Богомъ и Царицу Небесную, Которая всѣхъ христіанъ Заступница усердная, Помощница скорая, Матерь любвеобильная; Она — обуреваемыхъ пристанище, ненадежныхъ — надѣяніе, грѣшниковъ спасеніе.

Будемъ же непрестанно съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиренною молитвою прибѣгать къ общей нашей Ходатаилицѣ и Молитвенницѣ и изъ глубины души взывать: „Владычице! помози, на ны милосердовавши, потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній, не отврати твоя рабы тщи, Ты бо и едину надежду имамы“!

И постигнетъ ли насъ общественное бѣдствіе, или въ частности каждаго изъ насъ, будемъ вѣрить несомнѣнно, что много можетъ молитва Матери Божіей къ милосердію Владыки всѣхъ Бога, будемъ искренно надѣяться, что и намъ недостойнымъ любвеобильная Матерь Божія пошлетъ свою чудодѣйственную помощь. Аминь!

Священникъ *Николай Нѣмчиновъ*.

Можно ли согласиться съ тѣмъ пониманіемъ содержания и происхожденія Апокалипсиса, которое предложено въ книгѣ Николая Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ?“¹⁾

II.

Морозовъ утверждаетъ, что „Апокалипсисъ написанъ знаменитымъ борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй, Іоанномъ Антіохійскимъ, называемымъ Христомомъ или Златоустомъ“ (стр. 7-я), котораго Морозовъ

¹⁾ Продолженіе. См. № 43.

въ заголовкѣ 5-й части своей книги называетъ прямо „революціонеромъ и демагогомъ“. Что Св. Іоаннъ Златоустъ былъ авторомъ Апокалипсиса, это Морозовъ подтверждаетъ десятью соображеніями: 1) автора звали Іоанномъ; 2) онъ жилъ въ Малой Азій или около нея; 3) онъ жилъ въ концѣ 4-го вѣка; 4) въ 395 году онъ былъ не очень молодъ; 5) онъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ; 6) его обычный языкъ былъ греческій; 7) онъ родился въ богатой семьѣ; 8) онъ получилъ блестящее по своему времени образованіе; 9) онъ былъ христіанскимъ теологомъ; 10) онъ былъ революціонеромъ и республиканцемъ, такъ какъ мечетъ громы и молніи на земныхъ царей.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Морозовъ гордо восклицаетъ: „Если бы противъ этой даты (395 г.) были цѣлыя горы древнихъ манускриптовъ, то и тогда бы ихъ всё пришлось считать подложными“... Но на самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ о ней (—книгѣ Апокалипсисѣ) за первые четыре вѣка никакихъ серьезныхъ свѣдѣній кромѣ десятка взаимно опровергающихъ другъ друга цитатъ, голословно приписываемыхъ тому или другому изъ христіанскихъ епископовъ и дошедшихъ до насъ въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ! (стр. 395). Считаая свои доказательства непоколебимыми, Морозовъ не признаетъ возможности, чтобы Апокалипсисъ появился до временъ Іоанна Златоуста, т. е. до конца 4-го столѣтія по Рождествѣ Христовомъ. Онъ знаетъ очень хорошо, что церковные писатели первыхъ трехъ вѣковъ христіанства цитируютъ Апокалипсисъ, признавая его, болѣею частію, произведеніемъ апостола Іоанна Богослова. Но это нисколько не смущаетъ Морозова. Въ особомъ приложеніи ко второму изданію своей книги „Откровеніе въ вѣ грозѣ и бурѣ“ Морозовъ подробно старается доказать, что всѣ свидѣтельства Св. Іустина мученика, Св. Иринея Ліонскаго, Тертуліана, Оригена о существованіи Апокалип-

сиса уже при этих писателях 2-го и 3-го вѣка, несколько не убѣдительно. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній Морозовъ считаетъ неподлинными, какъ это якобы доказала современная церковно-историческая наука, а отъ другихъ не сохранилось первоначальныхъ ихъ списковъ, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, если всѣ эти свидѣтельства суть ни что иное, какъ сдѣланныя въ средніе вѣка вставки... Морозовъ пишетъ: „отъ всѣхъ древнихъ авторовъ насъ отдѣляетъ непроницаемая завѣса среднихъ вѣковъ. Ни одного документа, заключающаго хоть малѣйшіе намеки на нашу церковный Апокалипсисъ, не дошло до насъ. Все, что имѣемъ мы, это въ лучшихъ случаяхъ манускрипты конца среднихъ вѣковъ, а въ большинствѣ—прямо печатныя изданія 16—17 вѣковъ, сдѣланныя по неизвѣстно откуда взятымъ рукописямъ. Какую историческую цѣнность могутъ имѣть такіе документы?“

Нѣтъ подлинныхъ, первоначальныхъ рукописей!—вотъ главное основаніе, на какомъ строитъ Морозовъ свое отрицаніе значенія всѣхъ древнѣйшихъ святоотеческихъ свидѣтельствъ объ Апокалипсисѣ. Это положеніе Морозова, конечно, правильно, въ принципѣ, потому что, на самомъ дѣлѣ, подлинныхъ рукописей св. отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ не сохранилось до нашего времени. Но выводы, сдѣланные Морозовымъ изъ этого положенія, до нельзя утрированы и потому ложны. „Откровеніе Морозова“, по справедливому замѣчанію г. Никольскаго,—ниспровергаетъ все то, что до сихъ поръ было сдѣлано исторической критикой для объясненія Откровенія Іоанна. Надо зачеркнуть и сжечь всю громадную литературу, написанную объ Апокалипсисѣ трудолюбивыми и остроумными библейскими критиками; надо сжечь всю патристическую литературу, переполненную спорами объ Апокалипсисѣ и цитатами изъ него; надо, наконецъ, поставить крестъ надъ всей античной литературой,

потому что вѣдь не только патристическая литература отдѣлена отъ насъ „завѣсой среднихъ вѣковъ“, но та же завѣса отдѣляетъ насъ и отъ подлиннаго (Гомера), Софокла, Аристотеля, Фукидида, Ливія, Цезаря et caetera et caetera (стр. 4), ибо наука доселѣ не владѣеть подлинниками этихъ произведеній классической древности“.

Морозовъ не хочетъ признать того положенія, что къ убѣжденію въ существованіи такихъ—подлинниковъ—рукописей можно притти путемъ наведенія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы теперь признаемъ, что, наиримѣръ, бесѣда Св. Іустина съ Трифономъ іудеемъ есть дѣйствительно подлинное произведеніе Св. Іустина, то основываемся въ этомъ случаѣ на свидѣтельствѣ ближайшихъ къ намъ по времени писателей, подлинныя сочиненія которыхъ имѣются. Но эти писатели ссылаются на болѣе раннихъ писателей, свидѣтельствующихъ о томъ же-тѣ—на еще болѣе раннихъ и т. д. и т. д. Чтобы послѣ этого сказать, что все таки означенное твореніе Св. Іустина есть не подлинное произведеніе, которому нельзя довѣряться, для этого нужно быть убѣжденнымъ въ томъ, что въ ряду этихъ восходящихъ свидѣтелей подлинности кто-нибудь допустилъ намѣренно ошибку, или солгалъ. Между тѣмъ у г. Морозова такой провѣрки *всѣхъ* свидѣтельствъ о подлинности творенія Св. Іустина не имѣется, а, слѣдовательно, онъ, какъ честный историческій критикъ, не долженъ бы огуломъ отрицать достовѣрность святоотеческихъ показаній о существованіи Апокалипсиса въ первые три вѣка христіанства. Повторяемъ, что Морозову во имя принциповъ справедливости и послѣдовательности пришлось бы отказать въ подлинности *всѣмъ* рѣшительно литературнымъ памятникамъ и классической эпохи, потому что на самомъ дѣлѣ не сохранилось никакихъ автоманускриптовъ ни Платона, ни Аристотеля, ни другихъ великихъ писателей древности... Будетъ ли, далѣе, Морозовъ отрицать свидѣтельства объ

Апокалипсисъ Иппонскаго помѣстнаго собора, признава-
шаго Апокалипсисъ каноническою книгою? А вѣдь этотъ
соборъ былъ въ 393 году, т. е. за два года до 395
года, когда, по Морозову, только еще могъ появиться Апо-
калипсисъ? Какъ могъ до 393 года существовать памятникъ
письменности, представляющій собою, по Морозову, описа-
ніе грозы, пронесшейся надъ островомъ Патмосомъ въ 395
году; т. е. два года позже?! А потомъ—и это самое важ-
ное съ точки зрѣнія самого Морозова—существуетъ такъ
называемая Синайская рукопись священныхъ книгъ Новаго
Завѣта, въ которой есть и Апокалипсисъ, а между тѣмъ
эта рукопись, какъ единодушно удостовѣряетъ наука, напи-
сана въ срединѣ четвертаго вѣка, т. е. раньше 395 года.
Снимки съ этой рукописи сдѣланы фотографически Тишен-
дорфомъ и ихъ можно видѣть въ библиотекахъ С.-Петербурга
и Москвы. Далѣе, въ такъ называемомъ Мураторіевомъ ка-
нонѣ, единогласно относимомъ учеными къ 170 году по Ро-
ждествѣ Христовомъ, читаемъ: „и *Іоаннъ въ Апокалипсисѣ,*
хотя писалъ семи церквамъ, однакоже всѣмъ говоритъ“.
Понятно всякому разумному человѣку, что документъ, внесен-
ный въ канонъ богодухновенныхъ священныхъ книгъ въ
170 году, не могъ быть записью грозы, происходившей въ
395 г., слѣдовательно, 225 лѣтъ спустя!

Замѣчательно, что Морозовъ, пытающійся доказать не-
подлинность нѣкоторыхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ объ
Апокалипсисѣ, не упоминаетъ и о приведенныхъ нами сви-
дѣтельствахъ Иппонійскаго собора, Синайской рукописи и
Мураторіева канона. Очевидно, что онъ былъ не въ силахъ
опровергнуть подлинность этихъ общепризнанныхъ, завѣрен-
ныхъ въ наукѣ документовъ!

Какія-же мы имѣемъ другія свидѣтельства о подлинно-
сти Апокалипсиса и о принадлежности его Св. апостолу
Іоанну Богослову и какъ доказываетъ неподлинность этихъ

свидѣтельство Морозовъ въ своемъ „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ“¹⁾.

Каноническое достоинство книги Апокалипсиса само собою слѣдуетъ изъ того, что писателемъ ея, по общему вѣрованію Церкви, былъ Св. апостоль и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, вдохновенному перу котораго принадлежить еще 4-е каноническое Евангеліе и 3 соборныхъ посланія. Вѣрованіе это оправдывается 1) внутренними признаками принадлежности книги апостолу Іоанну и 2) внѣшними, историческими свидѣтельствами о написаніи Апокалипсиса именно этимъ апостоломъ. Въ первомъ отношеніи замѣчательно то уже, что священный писатель Апокалипсиса въ 1, 1, 9 называетъ себя просто *Іоанномъ* (ср. 22, 8), безъ всякихъ пояснительныхъ прибавленій. Это указываетъ въ писателѣ челоуѣка общеизвѣстнаго въ семи Азійскихъ церквахъ, къ которымъ прежде всего назначалась книга (1, 4, 11), и пользовавшагося въ нихъ великимъ, истинно апостольскимъ авторитетомъ. Никто другой изъ Азійскихъ христіанъ (напримѣръ, извѣстный исторіи Іоаннъ, пресвитеръ Ефесскій) не посягнулъ бы на присвоеніе себѣ книги столь таинственнаго и возвышеннаго содержанія; менѣе всего простой христіанинъ могъ объявить себя служителемъ ангеламъ и братомъ апостоламъ и пророкамъ (19, 10). Только апостоль Іоаннъ, долго жившій и дѣйствовавшій въ Ефесѣ (по свидѣтельству Св. Иринея Ліонскаго и Евсевія), могъ не имѣть нужды въ особенной рекомендаціи или стороннемъ свидѣтельствѣ въ пользу своей личности, какъ писателя Апокалипсиса. На апостола Іоанна указываетъ и наименованіе писателя себя рабомъ Іисуса Христа, свидѣтельствовавшимъ свидѣтельство Іисуса Христа и слово Божіе. Это вполнѣ совпадаетъ съ подобными указаніями апостола Іоанна о себѣ

¹⁾ См. статью Эрва «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ».

въ Евангеліи (Іоан. 19, 35) и соборномъ посланіи (1 Іоан. 1, 1). Логосъ Божественный, ученіе о которомъ составляетъ въ Новомъ Заѣтѣ исключительную принадлежность Евангелія Іоанна Богослова (1, 1—18), является еще только въ Апокалипсисѣ. Говоритъ также апостоль Іоаннъ о своемъ заточеніи на островѣ Патмосѣ: „Я Іоаннъ, братъ Вашъ..., былъ на островѣ, называемомъ Патмосъ, за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа“ (1, 9). Церковное преданіе ясно свидѣтельствуемъ о ссылкѣ апостола Іоанна на островъ Патмосъ за исповѣданіе Іисуса Христа (Тертуліанъ, Евсевій, Іеронимъ) и мы не знаемъ ни одного такого другого изгнанника, кромѣ апостола Іоанна Богослова. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, если бы и былъ такой изгнанникъ, то онъ долженъ быть весьма авторитетнымъ лицомъ для Малоазійскихъ церквей, какъ это обнаруживается изъ текста и содержанія Апокалипсиса. Но опять — такого лица совершенно не знаетъ преданіе этихъ церквей. Оно знаетъ только одного Іоанна Богослова, управлявшаго Ефесскою церковію послѣ апостола Павла. Тяжкія испытанія апостола и исповѣдника Христова были самою благоприятною почвою для принятія имъ Откровенія о судьбахъ воинствующей Церкви Христовой. Для непредубѣжденнаго читателя Апокалипсиса не можетъ подлежать сомнѣнію, что на всемъ содержаніи его лежитъ печать великаго духа апостола любви и созерцанія. Противъ этого не можетъ говорить то, что ни въ Евангеліи, ни въ посланіи апостоль не называется собственнаго имени: объективное изложеніе ученія и дѣлъ Спасителя въ Евангеліи не требовало указанія имени его писателя, личность котораго естественно отступила назадъ; равнымъ образомъ и для читателей посланій Св. Ап. Іоанна было само собою понятно, кто былъ писавшій ихъ ὁ πρὸς βύθῆρος (2 Іоан. 1; 3 Іоан. 1); напротивъ, въ Апокалипсисѣ, книгѣ пророческой, надлежало открыть, кто удо-

стоился воспринять единственное въ своемъ родѣ откровенеіе, касающееся не близкаго только, но и безмѣрно далекаго будущаго. Называя свое имя предъ изображеніемъ Откровенія, Св. Апостоль Іоаннъ поступалъ подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ (ср. Ш. 1, 1; 2, 1; Іерем. 1, 1; 7, 1 и др. Малахіи 1, 1). Различіе между Апокалипсисомъ и другими писаніями Св. Іоанна по формѣ выраженія и изложенія и по психологическому настроенію и тону писателя (образность и живость изложенія и священный гнѣвъ противъ враговъ Божіихъ въ Апокалипсисѣ—и тихое созерцательное самоуглубленіе и нѣжное вѣяніе любви въ Евангеліи) удовлетворительно объясняются различіемъ содержанія каждаго изъ трехъ родовъ писаній Св. апостола Іоанна: пророческія видѣнія естественно излагаются иначе (въ образахъ, символахъ, быстро смѣняющихся картинахъ), чѣмъ историческія повѣствованія и спекулятивныя идеи Евангелія и нравственныя увѣщанія посланій. Близкимъ родствомъ Апокалипсиса съ ветхозавѣтными пророческими писаніями объясняется также большее—сравнительно съ Евангеліемъ и посланіями—количество въ немъ гебраизмовъ и меньшая чистота и плавность греческаго языка книги. Въ силу того же пророческаго характера книги писатель ея представляется вращающимся въ кругѣ теократическихъ воззрѣній ветхозавѣтныхъ пророковъ и проникнутымъ образомъ мысли христіанъ изъ іудеевъ, между тѣмъ какъ писатель Евангелія и посланій изображаетъ христіанство, какъ явленіе новое и самостоятельное. Но внутреннее единство Апокалипсиса и 4-го Евангелія простирается до частныхъ, выражаясь и внѣшнимъ образомъ. Такъ, по мнѣнію Оберлена, одного изъ лучшихъ изслѣдователей Апокалипсиса, встрѣчающаяся въ немъ идея о сатанѣ, какъ князѣ міра, составляетъ отличительную черту всѣхъ писаній Св. Іоанна (ср. Апок. 13, 2 и др. и Іоан. 12, 31; 14, 30; 16, 11;

1, Иоан. 5, 19), который полнѣе всѣхъ другихъ апостоловъ раскрылъ не только Божество съ глубинами его, но и таинственныя отношенія духа тьмы къ міру... Понятіе побѣды столь свойственно духу этого апостола, что всѣ писанія его можно назвать непрерывной исторіей борьбы между тьмою и свѣтомъ. Въ Евангеліи отъ Иоанна мы присутствуемъ при началѣ этой борьбы и видимъ, какъ она развивается вокругъ Самого Господа, а Апокалипсисъ показываетъ продолженіе ея вокругъ церкви. Поэтому же выраженіе *μαρτύρην* (побѣждать) встрѣчается 6 разъ въ одномъ первомъ посланіи Иоанна и 16 разъ въ Апокалипсисѣ, тогда какъ во всемъ остальномъ Новомъ Завѣтѣ упоминается только 3 раза.

Какъ самъ писатель Апокалипсиса довольно ясно, какъ видимъ, свидѣтельствуешь о себѣ, какъ объ апостолѣ Иоаннѣ Богословѣ, такъ такимъ представляютъ его древнія свидѣтельства церковнаго преданія. Такъ, ученикъ апостола Иоанна Богослова Папій, впоследствии епископъ Иерапольскій, жившій въ концѣ перваго и въ самомъ началѣ второго вѣка, нарочито собиравшій преданія апостольскія и обращавшійся со многими еще бывшими въ живыхъ учениками апостольскими, писателемъ Апокалипсиса называетъ „старца Иоанна, ученика Господа“, каковымъ именемъ („старца“) называетъ себя самъ Иоанъ Богословъ къ своимъ посланіямъ (2 Иоан 1. 3 Иоан.), Св. Іустинъ философъ, мужъ апостольскій, скончавшійся мученически около 155 г. по Рождествѣ Христовомъ, долго жившій по своему обращеніи въ христіанство въ Ефесѣ, гдѣ, конечно, живѣе и цѣльѣе всѣхъ были преданія о Св. Иоаннѣ Богословѣ, проведенъ въ этомъ городѣ послѣдніе дни своей жизни, писалъ въ своемъ разговорѣ съ іудеемъ Трифономъ: „нѣкоторый мужъ между нами по имени Иоаннъ, *одинъ изъ апостоловъ Христовыхъ*, въ бывшемъ ему Откровеніи“ (*ἐν ἀποκαλύψει*),

предсказаль, что увѣровавшіе въ нашего Христа будутъ жить въ Иерусалимѣ тысячу лѣтъ (981). Авторъ такъ называемаго Мураторіева канона, относимаго учеными къ 170-му году по Рождествѣ Христовомъ, говорятъ, что Св. апостоль Іоаннъ былъ писателемъ Апокалипсиса и предшественникомъ Св. Павла въ апостольскомъ званіи. Апологетъ христіанства Мелитонъ Сардійскій, около 170 года по Рождествѣ Христовомъ, по свидѣтельству историка Евсевія, написалъ комментарий на Апокалипсисъ Іоанна. Другой апологетъ христіанства Теофилъ Антиохійскій около 180 года по Рождествѣ Христовомъ, по свидѣтельству того же Евсевія, въ спорѣ съ Гермогеномъ приводилъ мѣста изъ Апокалипсиса, какъ писанія апостола Іоанна. Св. Ириней Лионскій, — свидѣтельство котораго въ данномъ случаѣ особенно важно, такъ какъ онъ былъ ученикомъ Полкарпа Смирнскаго, ученика Іоанна Богослова — пишетъ (около 195 г. по Рождествѣ Христовомъ), что писатель Апокалипсиса есть *апостоль, возлежащій во время вечера на груди Іисуса и спрашивавшій Его о предателѣ*; онъ же приводитъ мѣста изъ Апокалипсиса, какъ писанія Св. Іоанна, доказывая, между прочимъ, правильность чтенія числа Апокалипсическаго 666 (Апок. 13, 18) ссылкой на тѣхъ мужей, которые видѣли самого Іоанна. Климентъ Александрійскій (около 200 г. по Рождествѣ Христовомъ) и Тертуллианъ около 207 г. по Рождествѣ Христовомъ признаютъ Апокалипсисъ писаніемъ апостола Іоанна, при чемъ Тертуллианъ свою мысль аргументируетъ въ спорѣ съ еретикомъ Маркіономъ, отрицавшимъ Апокалипсисъ и другія священныя писанія апостола Іоанна, какъ противорѣчащія его еретическому ученію. Св. Ипполитъ, папа Римскій, около 230 года по Рождествѣ Христовомъ написалъ апологію Апокалипсиса и евангелія Іоанна противъ антимононистовъ, Оригенъ (около 233 г. по Рождествѣ Христовомъ)

говорилъ объ евангелистѣ Іоаннѣ: „онъ написалъ также и *Апокалипсисъ*“. Св. Аѳанасій Александрійскій, раздѣлявшій всѣ книги священнаго писанія по степени ихъ авторитетности на три класса, въ 367 году включаетъ Апокалипсисъ въ число тѣхъ же книгъ, которыя должны почитаться авторитетными и божественными, а потому и каноническими, и поставляетъ его въ первый классъ наряду съ апостольскими посланіями и евангеліями. И въ послѣдующіе вѣка христіанской эры отцы и учителя церкви высказывались въ пользу апостольскаго происхожденія Апокалипсиса, коль скоро имѣли поводъ говорить о томъ. Такъ, напр.: 33 правило собора Карфагенскаго, приписывая Апокалипсисъ Св. апостолу Іоанну, ставитъ его въ ряду другихъ каноническихъ книгъ. Отсутствіе Апокалипсиса въ извѣстномъ Сирскомъ переводѣ священныхъ книгъ Пешито объясняется не сомнѣніемъ Сирской церкви въ апостольскомъ происхожденіи Апокалипсиса, ибо Св. Ефремъ Сиринъ, представитель Сирской церкви, рѣшительно признаетъ подлинность Апокалипсиса и дѣлаетъ на него ссылки, заставляя этимъ предполагать, что Апокалипсисъ издавна преникъ въ Сирскую церковь въ другихъ переводахъ (Орловъ стр. 4), а можетъ быть тѣмъ, что переводъ Пешито былъ сдѣланъ ближайшимъ образомъ для чтенія при богослуженіи, для каковой цѣли Апокалипсисъ не представляетъ удобства и не употребляется даже и въ настоящее время. Этою же причиною объясняется отсутствіе Апокалипсиса въ канонахъ Лаодикійскаго собора и Св. Кирилла Іерусалимскаго, такъ какъ эти каноны имѣютъ въ виду также катехизаторскія цѣли—именно чтеніе священныхъ книгъ во время богослужебныхъ собраній. Желаніе опровергнуть ученіе хилистовъ, которые главное основаніе для своего заблужденія находили именно въ Апокалипсисѣ и ссылались на апостольскій авторитетъ его писателя, побуждало и нѣкоторыхъ церковныхъ писателей въ III вѣкѣ отрицать ка-

политическое достоинство Апокалипсиса. Такъ, Римскій пресвитеръ Кай (въ началѣ 3-го вѣка), желая опровергнуть хадіастическія ученія монтанистовъ, рѣшилъ отнять у нихъ главную опору, признавъ неподлинность Апокалипсиса. Но это былъ единственный голосъ, оставшійся безъ вліянія на современниковъ. Болѣе значенія, повидимому, имѣютъ сомнѣнія въ принадлежности Апокалипсиса Іоанну Богослову, высказанныя Св. Діонисіемъ Александрійскимъ и мотивированныя имъ сопоставленіемъ особенностей Апокалипсиса и другихъ писаній Іоанна. Но мотивы эти, разобранные уже нами нѣсколько ранѣе, вызваны борьбою Діонисія съ непотіанами, и для него самого не имѣли значенія непреложныхъ доказательствъ. Поэтому онъ свое отрицаніе апостольскаго происхожденія Апокалипсиса высказывалъ въ качествѣ лишь своего личнаго мнѣнія, несогласнаго съ воззрѣніемъ церкви, не настаивая на неистинности его, ибо Св. Діонисій пишетъ объ Апокалипсисѣ: „я не смѣю отвергать эту книгу, особенно, когда многіе изъ братьевъ высоко уважаютъ ее. Я думаю о ней такъ, что она превышаетъ мое пониманіе и заключаетъ въ себѣ нѣкоторое чудное и тайное пониманіе высшихъ вещей“. Этого своего отрицательнаго взгляда на Апокалипсисъ Св. Діонисій и не проводилъ съ послѣдовательностью, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ посланій Св. Діонисій цитуетъ мѣсто (13, 5) изъ Апокалипсиса съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „и Іоанну тоже открыто“.

Историкъ Евсевій, высоко цѣня воззрѣнія Діонисія на Апокалипсисъ, однако лишь постольку склоняется къ его мнѣнію объ Апокалипсисѣ, поскольку представляетъ вопросъ объ Апокалипсисѣ открытымъ и допускающимъ свободное сужденіе, почему причисляетъ Апокалипсисъ то къ *βιολογούμενα*, то къ *ἀντιλεγόμενα*, но въ концѣ концовъ вноситъ, съ нѣкоторыми оговорками, въ канонъ священныхъ книгъ ¹⁾.

1) См. подробнѣе въ статьѣ объ Апокалипсисѣ, помѣщенной въ «Богословской Энциклопедіи», издаваемой при журналѣ «Странникъ» т. I.

Подводя итогъ своихъ разсуждений по вопросу о подлинности Апокалипсиса, мы скажемъ словами Н. Никольскаго: „нѣтъ ни одного мало-мальски значительнаго церковнаго писанія, нѣтъ ни одного значительнаго церковнаго теченія, которое не знало бы Апокалипсиса и не интересовалось бы имъ. Чтобы не затруднять вниманіе читателей приведеніемъ цитатъ, мы только перечислимъ тѣхъ церковныхъ писателей II-IV в.в., которые или упоминаютъ объ Апокалипсисѣ, или обсуждаютъ связанные съ нимъ вопросы, или цитируютъ его, или посвящаютъ ему цѣлыя книги въ видѣ, напримѣръ, комментаріевъ. Это будутъ: Папій, Мелитонъ, Θεοφιλης, Іустинъ мученикъ, Поликарпъ, Аполлоній, Поликрать (Ефесскій), Діонисій Коринѣскій, Климентъ Александрійскій, Ипполитъ Римскій, Тертуліанъ, Іеронимъ, Киприанъ, Коммодіанъ, Лактанцій, Викторинъ, Тихоній, Евсевій, Аѳанасій Александрійскій, Епифаній, Григорій Нисскій, Дидимъ, Кириллъ Александрійскій; изъ церковныхъ теченій Апокалипсиса знаютъ, цитируютъ и толкуютъ: алогисты, монтаністы, гностики донатисты. Значеніе этого перечня станетъ тѣмъ болѣе велико, когда мы обратимъ вниманіе на самое содержаніе упоминаній объ Апокалипсисѣ, дѣлаемыхъ указанными авторами.

Мы видимъ, что нѣкоторые, правда, немногіе, комментируютъ Апокалипсисъ, таковы: Оригинъ, Викторинъ, Тихоній, нѣкоторые гностики; громадное большинство прочихъ авторовъ или цитируютъ Апокалипсисъ съ буквальною точностію, или разбираютъ вопросъ о томъ, кто является авторомъ его, или оцѣниваютъ значеніе Апокалипсиса, какъ книги канонической или неканонической“ (Стр. 6—7).

Въ такомъ видѣ представляется положеніе вопроса о подлинности Апокалипсиса въ исагогической наукѣ. Какъ видимъ, подлинность этой священной книги завѣрнется большимъ сонмомъ свидѣтелей, писавшихъ и жившихъ за много де-

сятковъ лѣтъ до 395 года, къ которому Морозовъ относитъ написаніе Апокалипсиса. Что же дѣлаетъ Морозовъ? Какъ онъ объясняетъ то, что, покрайней мѣрѣ, за два съ половиной вѣка до 395 года опредѣленно писали объ Апокалипсисѣ и о томъ, что онъ написанъ апостоломъ Іоанномъ? Морозовъ объявляетъ, что мѣста объ Апокалипсисѣ у писателей церковныхъ 2 и 3 вѣка суть позднѣйшія вставки! Такъ, приведя уже знакомую намъ цитату изъ „Педагога“ Климента Александрійскаго, Морозовъ совершенно бездоказательно говоритъ: „Это мѣсто представляетъ несомнѣнную цитату изъ нашего библейскаго Апокалипсиса и, потому, не можетъ быть написано ранѣе, чѣмъ въ V-мъ вѣкѣ“ (Морозовъ, стр. 316). Другихъ основаній для доказательства подложности этого мѣста, кромѣ вышеприведеннаго и абсолютно бездоказательнаго и крайне наивнаго, Морозовъ не приводитъ, да и не могъ бы привести, потому что ихъ нѣтъ.

Первое по времени вполне опредѣленное упоминаніе объ Апокалипсисѣ мы указывали у Св. Іустина философа. Его сочиненія: 2 апология и—Разговоръ съ іудеемъ Трифономъ, по содержащимся въ немъ даннымъ, хронологически датируются съ полной несомнѣнностью. Этими данными апология Іустина приурочиваются къ концу 40 годовъ 2 столѣтія по Рождествѣ Христовомъ, а „Разговоръ“ къ началу 60 годовъ тогоже столѣтія. Сочиненія Іустина исхожены критиками и историками вдоль и поперекъ. Ни одна строчка не оставлена безъ самаго тщательнаго анализа. О нихъ писали сотни философовъ и историковъ. Начиная съ магдебургскихъ центурій, цѣлый рядъ весьма крупныхъ изслѣдователей посвящали Іустину и его богословію отдѣльныя монографіи; кромѣ того, Іустина не могъ обойти ни одинъ изъ многочисленной историковъ датъ, историковъ древнехристіанской литературы, историковъ канона, апологетики,

патристики, Іустина перелистывали тысячи нервных критических рук; Іустина изучали нѣсколько наиболѣе критических мозговъ всего міра, и что же? Никто, ни одинъ изъ нихъ не счелъ возможнымъ строчки, относящіяся къ Апокалипсису, вырвать изъ общаго контекста, всѣ въ одинъ голосъ признавали принадлежность писаній Іустина къ половинѣ 2-го столѣтія христіанской эры. Морозовъ, приведя это мѣсто и затѣмъ латинскій переводъ его, въ наивномъ воображеніи уничтожить его подлинность, говорить опять абсолютно бездоказательно: „Это, насколько мнѣ извѣстно, единственная фраза, которой снабдилъ Іустина средневѣковъ редакторъ (или даже составитель) его сочиненія“. (Морозовъ стр. 317—318). Морозовъ не замѣчаетъ того, что этой фразой онъ доказываетъ не неподлинность этого мѣста, а верхъ своего невниманія въ вопросахъ палеографіи. Морозову даже неизвѣстно то, что Іустинъ философъ писалъ не на латинскомъ, а на греческомъ языкѣ, и что греческій текстъ его сочиненій, вмѣстѣ съ инкриминируемымъ Морозовымъ мѣстомъ, дошелъ до насъ въ очень большой сохранности. Съ другой стороны—горячо говорить одинъ изслѣдователь Эрнъ,—вамъ извѣстно, что еслибъ воскресъ Діогенъ, зажегъ бы свой знаменитый фонарь и исходилъ бы Европу среднихъ вѣковъ отъ южныхъ оконечностей Испаніи и Италіи до сѣверныхъ и восточныхъ, ища хотя бы одного человѣка, который бы зналъ по гречески настолько, чтобы по гречески составлять безукоризненно правильныя фразы, то онъ такого бы человѣка просто *нигдѣ не нашелъ бы*. До возрожденія греческій языкъ для всей культурной Европы былъ языкомъ неизвѣстнымъ. Не умѣли по гречески читать и понимать,—и вдругъ въ этой обстановкѣ появляется „средневѣковый редакторъ“, который въ качествѣ редактора обладалъ такимъ знаніемъ греческаго языка, что могъ составить цѣлую фразу въ шесть строчекъ и втиснуть ее въ сочиненіе Іустина. При

чемъ знаніе это было такъ совершенно, что всѣ многочисленныя филологи, изъ которыхъ нѣкоторые знали греческій языкъ чуть ли не лучше своего родного, — совершенно не замѣтили этой средневѣковой вставки“ (Эриъ, Откровеніе въ грозѣ и бурѣ „Богосл. Вѣстн.“ 1907 г. октябрь, стр. 305).

По поводу свидѣтельствъ о подлинности Апокалипсиса, заключающихся въ XXVI главѣ 5-й книги Иринея Ліонскаго „Противъ Ересей“, гдѣ приводятся многія цитаты изъ Апокалипсиса, Морозовъ дѣлаетъ такое догматическаго тона замѣчаніе: „Это первое изъ приведенныхъ до сихъ поръ сочиненій, гдѣ ссылки на нашъ библейскій Апокалипсисъ обильны и никакъ не могутъ быть объяснены вставками средневѣковыхъ корректоровъ и дополнителей. Но и здѣсь меня уже опередилъ Гарнакъ, который доказалъ историко-лингвистическими соображеніями, что эта книга подложна и написана „не ранѣе начала V-го вѣка“ (стр. 318). Но всякому понятно, что этой простой ссылкой на авторитетъ Гарнака безъ приведенія доказательствъ и даже безъ указанія сочиненія Гарнака, въ которомъ эти доказательства приводятся, нельзя констатировать неподлинность указаннаго выше произведенія Св. Иринея Ліонскаго. Это положеніе Морозова станетъ для насъ вполне сомнительнымъ и бездоказательнымъ, если мы приведемъ на справку то, что Гарнакъ въ своемъ изслѣдованіи: „хронологія древне-христіанской литературы“, въ которомъ онъ имѣлъ полный поводъ трактовать о неподлинности сочиненія Иринея Ліонскаго „противъ ересей“, ни однимъ словомъ не обмолвливается о томъ, что это сочиненіе написано не во второмъ, а въ пятомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ.

Свидѣтельство Тертуліана о подлинности Апокалипсиса въ его полемикѣ съ еретикомъ Маркіономъ, отвергавшимъ эту подлинность, Морозовъ пытается опровергнуть указані-

емъ на „безграмотность фразы“ „вскормленная церкви“, но Морозовъ не замѣчаетъ, что эту безграмотность создалъ опъ самъ своимъ неправильнымъ переводомъ слова *alimna*, что значить не „вскормленная“, какъ онъ перевелъ, а воспитанница, какъ это выраженіе и переведено въ русскомъ переводѣ твореній Тертулліана: другихъ доказательствъ неподлинности этого мѣста изъ твореній Тертулліана, кромѣ указаннаго нами его же недомыслія касательно перевода съ латинскаго текста, Морозовъ не указываетъ.

Замѣчательно, что Морозовъ, упоминая объ Оригенѣ, Викторинѣ, Северѣ, обходитъ молчаніемъ „отца церковной исторіи Евсевія“, который говоритъ объ Апокалипсисѣ много разъ въ самыхъ разнообразныхъ синтаксическихъ вариацияхъ, такъ что вырвать эти мѣста изъ контекста рѣчи Евсевія совершенно нельзя, а совершить эту операцію значить искалѣчить нѣсколько десятковъ страницъ связнаго изложенія Евсевія. Между тѣмъ сочиненія Евсевія о церковной исторіи датируются точно, 20-ми годами IV столѣтія, и если можно было спорить, въ какомъ именно году она написана, то во всякомъ случаѣ годъ смерти его извѣстенъ въ точности: онъ умеръ въ 340 году, т. е. за 55 лѣтъ до 395 года—года написанія Апокалипсиса, по Морозову. Принадлежность церковной исторіи Евсевію несомнѣнна. Ее не заподозривалъ никто. Къ тому же Евсевій приводитъ не свои только свидѣтельства объ Апокалипсисѣ, но цитуетъ и весьма важныя свидѣтельства древнихъ авторовъ—(Ееофила Антиохійскаго, Мелитона Сардійскаго, Діонисія Александрійскаго)—и иногда изъ тѣхъ ихъ произведеній, которыя до насъ не дошли. Наконецъ въ 25-й главѣ 3-й книги своей исторіи, дѣлая попытки опредѣлить канонъ священныхъ книгъ новозавѣтныхъ, онъ, выражая не свое мнѣніе, а общецерковное ученіе, помѣщаетъ, съ нѣкоторой оговоркой, въ этотъ канонъ и Апокалипсисъ ¹⁾.

1) Эрнъ. «Откровеніе въ гробѣ и бурѣ».

Итакъ существованіе Апокалипсиса, *по крайней мѣрѣ*, въ самомъ началѣ второго вѣка христіанской исторіи за-вѣрено множествомъ несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтелей и свидѣтельствъ. Можно ли послѣ этого, храня хотя самую минимальную дозу уваженія къ исторической наукѣ, утверждать, что Апокалипсисъ написанъ въ 395 году христіанской исторіи?! Прот. *Евграфъ Овсянниковъ*.

(Окончаніе будетъ).

Къ статьѣ „Можно-ль такъ осуждать?“

Помѣщая свою статью „Можно-ль такъ поступать“, я имѣлъ въ виду путемъ отвѣтовъ на нее всесторонне разобрать правоту существующей въ настоящее время подобной практики („зароки“) въ борьбѣ съ пьянствомъ. Мысль моя слишкомъ далека была отъ „огульной хулы на священниковъ“ и отъ осужденія кого-бы то ни было.

Но въ № 39 Епарх. Вѣд. появилась статья В. Шакина, въ которой онъ, детально разбирая мою статью, рѣзко упрекаетъ меня именно въ „хуль“ и въ уничтоженіи этого единственнаго радикальнаго средства въ борьбѣ съ зеленымъ зміемъ.

Статья написана обоснованно, горячо и искренно; но видно, что авторъ знакомъ съ этимъ дѣломъ только теоретически, а если и видѣлъ на практикѣ, то односторонне. Онъ говоритъ, что я допускаю неточность, замѣняя слово „зарокъ“ клятвеннымъ обѣщаніемъ, и въ доказательство заявляетъ, что видѣлъ даже и самую форму зарока, въ которой нѣтъ ничего похожаго на клятву. Такъ это и есть въ формахъ зароконъ при вступленіи въ различныя общества трезвости, а, быть можетъ, и въ практикѣ у нѣкоторыхъ священниковъ, но не всегда и не вездѣ.

Я знаю, что многіе священники, практикующіе — пусть по словамъ г. Шакина — „зароки“, не имѣютъ подъ руками вышеуказанной формы, а самую форму импровизируютъ со словомъ „клянусь“ и „въ подтвержденіе своихъ словъ цѣлую Крестъ и Евангеліе“.

Если даже и отбросить слово клянусь, замѣнивъ — обѣщаюсь, но оставить послѣднія слова, то и то, какая разница будетъ отъ обычной клятвы? Что такое клятва?

Обѣщаніе съ залогомъ. Клянущійся (обѣщающійся) призываетъ въ свидѣтели Самого Господа Бога, Который какъ бы поручается за правоту его словъ. Именно къ этому способу и былъ направленъ мой вопросъ „Можно ль такъ поступать“? А потомъ если щадить субъективизмъ лечащагося, то нужно считаться и съ тѣмъ, какъ онъ самъ въ данномъ случаѣ смотритъ на цѣлованіе креста. Всѣ нерѣдко слышали и знаемъ, что крестьяне (а въ большинствѣ говорится о нихъ) смотрятъ на цѣлованіе Креста, какъ на присягу. Часто слышатся разговоры „Мы, вѣдь, Крестъ цѣловали“, слова присяги улетучиваются и подчасъ ихъ смыслъ бываетъ непонятенъ для нихъ, а рельефное впечатлѣніе и сила остается отъ цѣлованія креста.

Какъ вы будете разъяснять крестьянину, что ошибка и измѣна данному слову при цѣлованіи Креста не столь опасна и гибельна и что опять можно испробовать то же.

Это опасный кругъ, изъ котораго трудно выбраться. Лучше не доводить до этого.

И не будетъ ли это профанация дорогой для него святыни?

Г. Шакинъ особенно подчеркиваетъ мое противорѣчіе, когда я говорю, что у пьяницъ врядъ ли бываетъ трезвая мысль и, несмотря на это, они чувствуютъ и горькое раскаяніе и ужасъ дѣйствительности.

Разсуждая сухо логически, пожалуй должно сказать, что

здѣсь есть противорѣчіе. Но это противорѣчіе устранится, если мы займемся характеристикой времени пьющаго.

Мы, видя его передъ собою, какъ субъекта, на котораго устремлено наше вниманіе, чтобъ освободить его отъ порока, должны считаться и съ его субъективнымъ настроеніемъ и расположеніемъ, чтобъ не захватить его врасплохъ, когда у него нѣтъ трезвой мысли. У каждаго пьющаго человека можно отмѣтить три періода: когда онъ пьетъ, пѣхмѣлье и когда онъ не пьетъ. Всѣ эти три періода рѣзко разнятся и дѣлають одного и того-же человека не похожимъ на себя. Въ особенности страшень періодъ вытрезвленія. Приподнятые нервы, упадокъ силъ, лихорадочно дѣйствующая мысль могутъ побудить его и на горькое раскаяніе и вызвать пассивный безотчетный страхъ предъ окружающимъ; и въ то же время все это не говоритъ за то, что мысль его трезва. А именно въ эти моменты и происходятъ, по большей части, самыя „зароки“.

Можетъ ли такое состояніе быть залогомъ крѣпости даннаго обѣщанія?

Г. Шакинъ усматриваетъ здѣсь борьбу мотивовъ при условія свободной воли лечащагося. Представимъ, какой-либо членъ семьи пьетъ и доходитъ до ужасающаго состоянія и вотъ окружающіе его, перепробовавъ всѣ доступныя имъ средства, рѣшаются на это послѣднее и везутъ къ батюшкѣ, но не всегда къ своему, а ищутъ болѣе популярнаго, о которомъ говорятъ, и тамъ лечатъ. Больной, чувствуя, что онъ своимъ поведеніемъ тяжель окружающимъ, соглашается, и такимъ образомъ появляется уже мотивъ маленькаго насилія во спасеніе. А съ этимъ не всегда считаются. Это не одинъ фактъ, а факты. А далѣе больной возвращается домой и...

Г. Шакинъ говоритъ: „гдѣ жъ его добрый другъ пастыръ“? Своему пастырю онъ еще можетъ и не сказать,

что и бываетъ, а отъ того, отъ котораго онъ получалъ помощь, онъ далеко часто и по разстоянію (иногда възять за сотни верстъ).

И вотъ эти разбросанные пациенты поступаютъ по своему усмотрѣнію и сообразно своимъ желаніямъ. Почему, скажете, свой пастыръ просмотрѣлъ это? Ну да пусть, хоть даже по недостаточной наблюдательности и малому въ этомъ авторитету. Впрочемъ за поступками всѣхъ и не услѣдишь.

Не могу уяснить маленькаго противорѣчія въ статьѣ Г. Шакина. Онъ самъ же утверждаетъ, что зарокъ обыкновенное обѣщаніе, ни чѣмъ не разнѣющееся отъ обѣщанія не играть въ карты, не курить, а потомъ говорить какъ будто и о томъ-же, но иначе, называетъ зарокъ средствомъ быстроедѣйствующимъ, клиническимъ, приравниваетъ его къ тяжелой рѣшительной операціи.

Съ послѣднимъ положеніемъ, что оно серьезно, и я вполне согласенъ, но добавлю только то, что разъ признаемъ это леченіе тождественнымъ клиническому, то нужно и соблюдать всѣ предосторожности, которыя требуются при операціи. Нужна серьезная дезинфекція мыслей больного, а главное воспитаніе въ немъ увѣренности въ благополучный исходъ дѣла. Все это необходимо, чтобъ оно не было „поспѣвшимъ леченіемъ“. Вотъ, именно, этихъ предосторожностей и не соблюдается, когда происходитъ леченіе на сторонѣ у практикующихъ батюшекъ.

Слова авт. „А какъ онъ реагируетъ на тѣ тысячи пьяницъ, что идутъ ежедневно въ Сѣнное“... Выходя изъ положеній самого же автора, что сначала нужно достаточно искутить желающаго, — врядъ-ли это нормальное явленіе. Считаются-ли тамъ съ градаціями пьяницъ и съ ихъ индивидуальнымъ складомъ, силой и стремленіемъ къ борьбѣ; не есть-ли это одинъ кафтанъ на всѣхъ. На каждый день ихъ приходится десятки на одного священника. Ему остается

только ограничиваться взятіемъ зарока и служеніемъ молебна, а все остальное на Волю Божию. Да подобная компетенція и не въ силахъ человѣческихъ, развѣ допустить только особую способность провидѣть все и впередъ.

И отъ подобныхъ пріемовъ немного ужъ отзывается особой профессиональностью.

Авт. „Неужели это иллюзіи и они всѣ не избавляютъ отъ ужаснаго порока“?

Зачѣмъ такой абсолютизмъ. Сначала нужно провѣрить, а потомъ говорить!

Г. Шакинъ говоритъ, что еслибъ были неудачи, то прекратился бы обычай зароконъ. Да,—твердо говорю я, что ужъ многіе изъ батюшекъ оставили это и оставили даже такіе, которые принимали у себя если не тысячи, то сотни больныхъ.

Итакъ осмѣливаюсь сказать, что отвѣтъ Г. Шакина данъ не по существу. Авторъ, почему то игнорируя мои положенія, съ увлеченіемъ говорить о невинныхъ зарокахъ, вполне обезвреженныхъ и до невѣроятности продуктивныхъ. Подымая этотъ вопросъ, я имѣлъ цѣлью то, чтобъ разграничить это живое и крайне серьезное дѣло отъ сухой формальности, которая часто вѣдряется въ нашу плоть и кровь. И я рѣшаюсь совѣтывать не спѣшить прибѣгать къ этому быстроедѣйствующему клиническому средству, отъ котораго при поспѣшномъ веденіи дѣла происходятъ большія осложненія, а лучше примѣнять подчасъ заброшенные, хотя и медленно дѣйствующіе, но безвредные палліативы. И не плевать я думалъ въ колодець, а скорѣе сохранить содержимое въ немъ отъ случающихся загрязненій.

Свящ. Г. Буляевъ.

Общежитіе и вольныя квартиры.

„А сколько теперь будетъ больныхъ семинаристовъ“?! Эти слова, сказанныя однимъ опытнымъ, пожилымъ педагогомъ, когда было отобрано общежитіе и многимъ семинаристамъ пришлось перейти на квартиры, мнѣ часто и какъ-то невольно припоминаются при всякомъ разговорѣ о квартирахъ. Подъ болѣзнию онъ разумѣлъ все то, что питомцами духовной школы, еще людьми очень молодыми, можетъ приобрѣтаться вслѣдствіе ненормальнаго образа жизни, молодыхъ увлеченій и иногда легкомысленнаго поведенія на частныхъ квартирахъ.

За всѣми уклоненіями воспитанниковъ отъ нормы учебной администраціи положительно нѣтъ никакой физической возможности *постоянно* усмотрѣть, при разбросанности сотенъ квартиръ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, и иногда по грязнымъ, отдаленнымъ улицамъ и переулкамъ.

Поэтому много юношей послѣ уроковъ, видѣ стѣнъ семинаріи, предоставлено самимъ себѣ и въ теченіе большей части дня пользуется этой самостоятельностью сообразно своимъ неокрѣпшимъ вкусамъ и неустановившимся наклонностямъ.

Предъ началомъ учебнаго года на окнахъ почти въ каждомъ домѣ, за малымъ исключеніемъ, по улицамъ, расположеннымъ вблизи семинаріи, можно было найти объявленіе-табличку съ предложеніемъ квартиры со столомъ. Масса квартирохозяекъ разсчитываетъ въ данномъ случаѣ, какъ приходилось лично убѣждаться, и строить свои планы именно на счетъ семинаристовъ, такъ какъ гимназисты и реалисты, большею частью городскіе жители, живутъ или въ пансіонахъ или по домамъ родственниковъ. Хозяйки, промышляющія квартирами, смотрятъ вообще на квартирантовъ, а на молодыхъ людей, стѣсняющихся часто сдѣлать какое-либо

замѣчаніе или выразить недовольство, въ особенности, какъ на дойную корову, и страшно ихъ эксплуатируютъ.

Лицо, мало знакомое съ положеніемъ вещей, если бы въ августѣ мѣсяцѣ вздумало прискать себѣ квартиру со столомъ, то, встрѣчая вездѣ отказъ, въ виду пріѣзда духовныхъ воспитанниковъ, могло бы подумать, что на Воронежъ ожидается какое-то нашествіе семинаристовъ и ихъ сюда прибудетъ на квартиры не 250—300 человекъ, какіе раньше жили въ общежитіи, а по меньшей мѣрѣ, тысячъ пятнадцать!

Содержаніе дѣтей на дорогихъ теперь частныхъ квартирахъ ложится тяжелымъ бременемъ на низшее, и безъ того нуждающееся, духовенство.

Многосемейный псаломщикъ, самъ пахарь, голодающій и холодающій, вѣроятно, и не подозреваетъ, что добрая половина платимыхъ имъ, собранныхъ копѣйками 18—20 рублей въ мѣсяцъ за сына идетъ въ пользу квартирохозяйки, ловкой въ этомъ отношеніи и опытной коммерсантки и эксплуататорши.

Въ настоящее время, когда въ Воронежъ прибыло 3—4 полка военныхъ, при томъ живущихъ отчасти въ казармахъ, цѣна на квартиры поднялась на одну треть. Что же будетъ, когда здѣсь, въ недалекомъ будущемъ, будутъ открыты сельскохозяйственный институтъ и параллельно съ нимъ, какъ вездѣ бываетъ, высшіе женскіе курсы, переведенъ будетъ изъ Петербурга контроль сборовъ юго-восточ. жел. дор., для чего предположено жъ постройкѣ громадное зданіе, стоимостью около двухъ милліоновъ рублей, куда потребуется тысячи служащихъ и переведется, какъ недавно писали, изъ Чугуева военное многочисленное училище? Народонаселеніе Воронежа возрастетъ до 150—200 тысячъ человекъ и жизнь сдѣлается, если не дороже столичной, то, во всякомъ случаѣ, не дешевле таковой.

Воспитаніе дѣтей съ содержаніемъ ихъ по частнымъ квартирамъ станетъ возможнымъ только для людей весьма зажиточныхъ.

Посему епархіальному духовенству, теперь являющемуся поистинѣ дойной коровой для квартирохозяекъ г. Воронежа, его эксплуатирующихъ, о дальнѣйшемъ слѣдуетъ еще больше позаботиться и подумать: строить ли въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ епархіи второе епархіальное женское училище или въ Воронежѣ—новое общежитіе для семинаристовъ? Если для послѣдняго не найдется мѣста въ центрѣ города, то такое можно всегда пріискать на окраинѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Харьковѣ, самая духовная семинарія расположена почти за городомъ, на такъ называемой Холодной горѣ.

Обсуждая необходимость общежитія съ чисто матеріально-финансовой стороны, я хочу теперь взглянуть на этотъ вопросъ съ другихъ болѣе цѣнныхъ точекъ зрѣнія, какъ практикъ, который самъ жилъ и на квартирахъ, и въ общежитіи и видѣлъ, какъ тамъ и здѣсь живутъ другіе.

Общежитіе съ своимъ режимомъ, съ обязательными ежедневными молитвословіями утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ, послѣ него и въ другихъ случаяхъ, пресѣкая возможность уклоняться отъ посѣщенія богослуженія, пріучаетъ воспитанниковъ къ молитвѣ и этимъ постепенно способствуетъ выработкѣ въ нихъ постоянной религіозной настроенности. Если апостолъ вообще вѣрующимъ говорилъ: „непрестанно молитесь“ (1 посл. къ Солун., гл. 5, ст. 17), то настоятель въ этомъ отношеніи долженъ быть для другихъ примѣромъ. На квартирахъ это предоставляется волю каждаго. Нынче воспитанникъ проспалъ, завтра полѣнится, вчера побоялся изъ-за молитвы опоздать къ урокамъ или пострѣнялся хозяйской дочери, гимназистки, которая, пожалуй,

увидѣвъ, что семинаристъ молится, будетъ надъ нимъ смѣяться и дразнить монахомъ.

Выходить дѣло, что молиться некогда, да и неудобно.

О соблюденіи постовъ учениками на квартирахъ приходится совершенно умолчать.

Отношеніе къ нимъ воспитанниковъ служить только предметомъ насмѣшекъ и пересудовъ самихъ же хозяекъ надъ своими квартирантами. Однажды на первой недѣлѣ поста одна хозяйка, покупая мясо, рассказывала, какъ ея квартиранты-семинаристы „говѣютъ“.

Одинъ изъ слушателей, армянинъ, какъ сынъ горячаго юга, оскорбленный въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, обращается къ публикѣ и, ломая слова, съ своимъ акцентомъ восклицаетъ: „Вотъ это будущій попа“! Всѣ смѣются. Этотъ фактъ ясно характеризуетъ отношеніе воспитанниковъ къ посту при жизни на квартирахъ, что было бы невысказуемо въ обществѣ.

При жизни на частныхъ квартирахъ среди разнаго рода соблазновъ не могутъ встрѣчаться или, скорѣй, сохраняться между духовными воспитанниками юноши, поистинѣ ангелы во плоти, чистые душой и невинные тѣломъ, до 20 лѣтъ и болѣе неимѣющіе понятія обо всемъ томъ, что у городскихъ дѣтей, тѣхъ же гимназистовъ и реалистовъ и др., все перенимающихъ у уличной, развращенной и испорченной молодой толпы, постоянно на устахъ, какъ оскверняющее эти юныя уста и растлѣвающее молодые помыслы.

Получается какое-то недоразумѣніе.

Люди, готовящіеся къ подвигу паствы, святому, трудному и важному и къ дѣлу учительства-миссіонерства по глухимъ дебрямъ—селамъ и деревнямъ—хотя бы и центра Россіи, къ своего рода аскетической и отшельнической дѣятельности,—разумѣя отрѣшенность отъ свѣтскихъ удовольствій и развлеченій—на приходско-церковной почвѣ,

во время обученія возвращаются въ самый круговоротъ жизни большого, шумнаго города, привыкають къ его соблазнамъ, назидаются далеко непоучительными примѣрами окружающаго чуждаго по направленію свѣтскаго общества и заражаются моднымъ антирелигіознымъ и враждебно-церковнымъ теченіемъ.

При этомъ припоминается разсказъ покойнаго преосвященнаго Германа, епископа Люблинскаго, въ бытность его преподавателемъ Св. Писанія въ Воронежской духовной семинаріи, о постановкѣ образа жизни въ образцовыхъ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ въ Римѣ. Тамъ воспитанники не только удаляются отъ общества, но даже иногда, на нѣсколько часовъ, совершенно изолируются другъ отъ друга въ особыхъ, отдѣльныхъ, единичныхъ комнатахъ и запираются для самоиспытанія и самоуглубленія. Въ дверяхъ каждой комнаты продѣлано окно. По корридору, раздѣляющему ряды комнатъ, ходитъ воспитатель—іезуитъ и въ свою очередь наблюдаетъ, насколько питомцы привыкли къ уединенному, созерцательному образу жизни и потомъ, въ случаѣ надобности, дѣлаетъ надлежащія внушенія и наставленія.

Конечно, католическая постановка учебно-воспитательнаго дѣла, какъ и многое другое въ католической Церкви и духовенствѣ, отличается только внѣшнимъ для большаго эффекта лоскомъ и въ высшей степени несимпатично по своимъ внутреннимъ качествамъ и содержанію и потому не можетъ служить примѣромъ. Но выдержка, стойкость, вѣрность направленію, твердость въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, насаждаемая воспитателями-іезуитами въ тѣхъ же католическихъ патерахъ, достойна уваженія и, отчасти, въ нѣкоторомъ отношеніи, подражанія.

Помимо упомянутой религіозно-нравственной стороны, общежитіе имѣетъ преимущество предъ квартирами при взглядѣ на дѣло съ чисто научной точки зрѣнія.

Только лишь въ общежитіи, при наличности большаго

количества воспитанниковъ, можно пользоваться полнымъ комплектомъ учебниковъ и всѣхъ учебныхъ пособій, когда нужно, прибѣгать къ помощи наиболѣе успѣвающихъ учениковъ и, при обширности помѣщенія заниматься, когда угодно и гдѣ угодно.

При раздробленности учениковъ по квартирамъ на группы по 2—3 человѣка, часто изъ разныхъ классовъ, обо всѣхъ учебникахъ не можетъ быть и рѣчи. Помощь подъ рукою при этихъ условіяхъ тоже трудно найти. Заниматься же усердно, т. е. начинать послѣ обѣда тутъ же, въ одной небольшой комнатѣ, на глазахъ сотоварищей, часто относящихся съ насмѣшкою къ постоянной зубрежкѣ и вообще къ труженикамъ, иногда прямо невозможно.

Иное дѣло общежитіе. Тамъ много этажей, пустыхъ комнатъ, спальныхъ, гардеробныхъ и др., куда всегда можно уединиться и учить, не мѣшая развлекаться другимъ и самому не встрѣчая препятствія.

Припоминаю такой фактъ: одинъ воспитанникъ, ушедшій на квартиру, не могъ прожить тамъ по разнымъ упомянутымъ причинамъ одной недѣли и сталъ проситься назадъ въ общежитіе.

Одинъ ученикъ, жившій въ корпусѣ, всегда послѣ обѣда, стѣсняясь товарищей, бралъ книгу и уходилъ заниматься на верхній этажъ.

Постояннымъ упражненіемъ онъ настолько развилъ свои способности, что окончилъ семинарію первымъ, былъ посланъ въ академію на казенный счетъ и тамъ окончилъ курсъ въ первомъ десяткѣ.

Наврядъ ли бы онъ добился этого на квартирѣ, постоянно развлекаемый сообществомъ и хозяевъ, и учениковъ.

Возможность и учить уроки, и не учить, пойти въ театръ, прокататься на конькахъ, прогулять цѣлый вечеръ по улицѣ, заняться чѣмъ-нибудь инымъ, ничего общаго съ на-

укой неимѣющимъ, и увлекаться имъ безнаказанно, при мнимои самостоятельности, до полночи и далѣе—все это является большимъ тормозомъ въ учебномъ дѣлѣ, и кажется никто не станетъ оспаривать этого. Вообще же постороннія знакомства и всевозможныя увлеченія юности, ограничиваемыя и сдерживаемыя въ общежитіи постояннымъ контролемъ начальства, на квартирахъ не знаютъ себѣ удержу, отвлекаютъ отъ дѣла и губятъ много юношей, ззставляя ихъ послѣ раскаиваться и сожалѣть.

Зданіе общежитія обыкновенно не такъ, какъ частный домъ, строится и содержится.

Здѣсь принимаются во вниманіе совѣты людей наиболѣе свѣдущихъ, тутъ постоянно считаются съ требованіями и гигиеничными и санитарными. Въ общежитіи и чисто, и свѣтло, и въ мѣру тепло и хорошая вентиляція. Люди въ определенное время встаютъ и ложатся спать, въ одни и тѣ же часы обѣдаютъ, ужинаютъ и пьютъ чай.

Пища, если не роскошная, то во всякомъ случаѣ, здоровая и питательная. Всѣ эти условія незамѣтно вліяютъ и на физическое состояніе человѣка и на его душевное равновѣсіе.

Совсѣмъ не то иногда по грязнымъ, сырмъ и темнымъ закоулкамъ квартиръ. Здѣсь иногда приходится перебиваться и впроголодь, и впрохолодь. Молодые люди, эксплуатируемые хозяевами, жаждущіе только квартирной воли или, скорѣй, своеволія, на все смотрятъ сквозь русское „авось да небось“, а послѣ на здоровьѣ все это отражается.

Помимо указаннаго, такъ сказать медицинскаго преимущества, общежитіе выигрываетъ предъ квартирами и въ отношеніи даже эстетическомъ.

Въ данномъ случаѣ я разумѣю домашніе классные оркестры, скрипку, гитару, флейту и др. и гвніе—предметъ занятій воспитанниковъ по праздникамъ, послѣ обѣда, ужина и на перемиьнахъ между занятыми часами.

Этотъ глубоко облагораживающій и смягчающій элементъ въ видѣ чего-либо постояннаго подъ рукою на квартирахъ, за малымъ исключеніемъ, въ раздробленномъ видѣ и иногда съ нежелательными добавленіями рѣдко можно встрѣтить. Эти развлеченія изящнымъ искусствомъ часто замѣняютъ на квартирахъ грязныя удовольствія и вообще со-всѣмъ неодобрительное времяпрепровожденіе.

Мнѣнія и отзывы самихъ воспитанниковъ о квартирахъ и общежитіи, конечно, нужно имѣть въ виду, но нельзя ставить ихъ на первомъ планѣ и опираться на нихъ, имѣя въ виду пословицу: „Все, что молодо, то и зелено“. Все, что сейчасъ юные критики порицаютъ, черезъ нѣсколько лѣтъ то же самое они будутъ восхвалять, платя добрымъ воспоминаніемъ тѣмъ, кто во-время ихъ остановилъ и предотвратилъ отъ какого-нибудь губительнаго шага и увлеченія молодости.

Молодые юноши, тѣ же молодые деревья; ихъ нужно исправлять, культивировать и воспитывать сообразно цѣлямъ ихъ будущаго служенія, а не считааясь съ ихъ стремленіями.

Нѣкоторые сторонники вольной жизни на квартирахъ говорятъ, что молодость нужно проводить такъ, чтобы было чѣмъ ее помянуть въ старости. Но, во-первыхъ, эта эпикурейская теорія совершенно непримѣнима къ жизни духовныхъ юношей, будущихъ наставниковъ народа; во-вторыхъ есть мнѣніе, что всякое удовольствіе чѣмъ либо искупается и за всякое излишество молодости приходится расплачиваться въ старости.

Нѣкоторые выставляютъ на видѣ, что общежитія въ послѣднее время вездѣ закрываются, что, дескать надежды, на нихъ возлагаемыя, не оправдываются.

Но это можно сказать про общежитія при высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Тамъ эти общежитія потому закрывались, что часто

служили разсадниками разнаго рода нелегальныхъ организацій. Но высшія свѣтскія учебныя заведенія нельзя сравнивать съ средними: тамъ жизнь учащихся и въ общежитіяхъ, и внѣ ихъ мало подвергается какому-либо контролю.

При этомъ удобнѣе имѣть въ виду наши духовныя академіи, по уставу которыхъ всѣ студенты обязаны жить въ академіи; внѣ ея студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ.

Кажется вообще, что ни одна квартира, самымъ идеальнымъ образомъ обставленная, не оставитъ по себѣ тѣхъ чистыхъ, безгрѣшныхъ, возвышенныхъ впечатлѣній и поэтически художественныхъ воспоминаній, какія обыкновенно связываются съ кружкомъ товарищей, съ которыми пришлось жить лѣтъ шесть въ общежитіи или корпусѣ, — анализировать другъ друга до мельчайшихъ подробностей, объединиться во взглядахъ и убѣжденіяхъ и подготовиться для одного святого, отвѣтственнаго и великаго дѣла!

А. Кутузовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

(† Священникъ Василій Донецкій).

19 сентября текущаго года двѣнадцати-ударный звукъ церковнаго колокола возвѣстилъ жителямъ села Колѣна, Новохоперскаго уѣзда, о смерти ихъ уважаемаго пастыря, священника Василія Донецкаго.

Тяжелымъ камнемъ упали звуки колокола на сердца и души колѣновцевъ. Всѣ чистосердечно скорбѣли о безвременной кончинѣ отца Василія, этого еще молодого, неутомимаго и энергичнаго дѣятеля на нивѣ церковной. 21 состоялось погребеніе усопшаго.

Отдать послѣдній долгъ уважаемому батюшкѣ и проводить его останки до могилы еще съ ранняго утра около дома усопшаго собралось много народа.

Около девяти часовъ печальная процессія направилась къ Воскресенской церкви, гдѣ шесть лѣтъ священствовалъ покойный. Развѣвajícíся знамена, свѣтлыя ризы духовенства, „красный“ звонъ, роскошный металлическій вѣнокъ съ надписью на бѣлой лентѣ „Дорогому сослуживцу и наставнику отъ учащихся и учащихя 2-хъ класснаго училища“, два вѣнка изъ живыхъ цвѣтовъ отъ частныхъ лицъ, многочисленная толпа народа—все это придавало процессіи характеръ чего-то торжественнаго, радостнаго и свѣтлаго; но минорное пѣніе пѣвчихъ, плачь родныхъ и знакомыхъ и гробъ съ останками усопшаго говорили о томъ, что здѣсь не мѣсто радости и торжеству, а печали и скорби.

Въ церкви гробъ усопшаго живою цѣпью окружили ученики мѣстнаго двухкласснаго училища во главѣ со своими учителями. Казалось,—что дѣти-подростки какъ-бы напутствовали отходящаго въ вѣчность законоучителя своею любовью и вниманіемъ или какъ-бы желали получить отъ него прощальный завѣтъ.

Пріятно отмѣтить также и присутствіе въ полномъ составѣ лицъ волостнаго и сельскаго правленій.

Во время литургіи сослуживцемъ покойнаго псаломщикомъ Вл. Кармановымъ, была сказана глубоко-прочувствованная рѣчь, обрисовавшая дѣятельность покойнаго, какъ человѣка вообще и пастыря въ частности

Тепло и сердечно произнесъ рѣчь при погребеніи и священникъ Верхняго Карачана, о. Василій Абрамовъ, тоже посвященную памяти усопшаго.

Въ 2 часа дня прахъ усопшаго при „красномъ“ звонѣ въ двухъ церквахъ на рукахъ прихожанъ перенесенъ былъ

изъ Воскресенской церкви въ ограду Казанской церкви, гдѣ подъ вѣтвистой яблоней свѣже-вырытая могила навѣки приютила этого замѣчательнаго церковнаго труженика.

Покойный о. Василій — сынъ священника слободы Бубликовой, Бирюченскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Воронежской Духовной Семинаріи, которую окончилъ съ аттестатомъ перваго разряда. По окончаніи курса занималъ мѣсто дѣлопроизводителя при Воронежскомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ. Священникомъ поступилъ въ слободу Николаевку, Бирюченскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ продолженіе семи съ половиною лѣтъ состоялъ и уѣзднымъ наблюдателемъ церковныхъ школъ по Бирюченскому уѣзду.

Въ 1903 г. переведенъ былъ священникомъ въ село Колѣно, Новохоперскаго уѣзда, гдѣ, помимо этого, совмѣщалъ еще и должность законоучителя въ мѣстномъ двухклассномъ училищѣ М. Н. П. Умеръ покойный сорока двухъ лѣтъ отъ аневризма сердца.

Щедро надѣлила природа покойнаго, чтобы быть ему выдающимся пастыремъ. Острый умъ, богатая наблюдательность, необыкновенный по высотѣ и силѣ звука теноръ, выразительнѣйшая дикція, рѣдкое среди провинціальныхъ священниковъ краснорѣчіе, а главное — глубокая и непоколебимая вѣра въ Бога и истинное призваніе къ пастырскому служенію — все это, вмѣстѣ взятое, давало возможность стать покойному о. Василію на недосыгаемую пастырскую высоту. И онъ во всю ширь развернулъ свои природныя дарованія. Нужно было пережить, нужно было почувствовать то необычайное настроеніе, которое невольно возбуждалъ покойный въ посѣтителяхъ храма Божія тѣмъ или другимъ богослуженіемъ, тѣмъ или другимъ чинопослѣдованіемъ, чтобы исполнѣ оцѣнить его, какъ священнослужителя. Слушая его, рѣдкое сердце не умилялось, рѣдкая душа не трогалась, рѣдкіе глаза не увлажнялись слезой.

Спи же съ миромъ, до самозабвенія преданный служе-
нiю Божию пастырь! Спи съ миромъ, краснорѣчивый гла-
спатай вѣчныхъ истинъ Христовыхъ! Спи съ миромъ, рев-
ностный стражъ имени Божiя!

Колтмовецъ.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово въ день Казанской Божiей Матери 22 октября.—Священника *Ни-
колая Нимцова*.

Можно ли согласится съ тѣмъ пониманiемъ содержанія и происхожденія Апо-
калипсиса, которое предложено въ книгѣ Николая Морозова «Откро-
веніе въ гроуѣ и бурѣ».—Протоіеря *Евстафа Овсянникова*.

Къ статьѣ «Можно-ль такъ осуждать?»—Священника *Г. Бялева*.

Общежитіе и вольныя квартиры.—*А. Кутузова*.

Некрологъ. († Священникъ Василій Донецкій).—*Колтмовеца*.

При семъ номерѣ прилагается отчетъ Воронежской Епархіальной Эмеритальной
Кассы за 1909 (11-й операционный) годъ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.